

Глава 4. Психология.

Пока магия училась превращать фантазии в реальность, наука научилась делать то же самое наоборот...

Итак, для верности повторимся: мы имеем версию, которая при своем подтверждении могла бы нам прояснить органическую природу ошибочного поведения человека: вмешательство тайных сил в психику человека. Добавим, что наше внимание забирает только и только системно предпринимаемое и осознанно совершаемое ошибочное поведение, а не проступки по неведению, второпях, по недомыслию, в аффекте или в машинально-случайном полубытии. Нас интересует только и только тот вид ошибок, в которых человек осмысленно принимает ряд неких решений, а потом все окружающие, да и он сам, поражаются – как можно было надеть столько глупостей одну за другой, не поняв сразу, что это могло закончиться только глупостью!?

Естественно, что для рассмотрения этих версий нам придется развернуть ту или иную систему рассуждений, которые будут подчинены исследованию одного и того же – психики человека. Ведь именно в психике человека возможны те самые ниточки, которые дергают человека и заставляют его выполнять некие чуждые ему действия. Таким образом, нам сейчас прямая дорога в науку психологию, в науку, которая изучает психику, сознание и личность человека.

Существуют этапы в интеллектуальных поисках, которые невозможно обойти. Поэтому нам сейчас следует твердо заявить: наука психология – это именно тот этап нашего поиска, который мы можем обойти легко, без ущерба и очень даже далеко стороной.

Объясним, почему, хотя это объяснение может оказаться для кого-то и не простым.

С наукой психологией сложилась ситуация, противоположная той, которая сложилась с наукой астрологией. Если взять астрологию, то мы постоянно слышим, что астрология это удивительно точная и удивительно хорошая наука, которой не хватает только одного – удивительно точных и удивительно хороших астрологов. А что касается психологии, то мы, наоборот, сплошь и рядом воочию видим точных и хороших психологов, но не видим никакой науки. Каждый психолог хорош и ценен, а вся наука, собранная вместе, разваливается на куски, как нечто, превышающее своей массой свои внутренние способности к склеиванию.

Существует даже книжка-обзор различных научных концепций, пытавшихся в разное время господствовать в психологии, и эта книжка, не много ни мало, а называется «Сорок концепций, которые потрясли психологию». Если какую-то науку можно сорок раз потрясти и при этом ничего однозначного из неё не вытрясти, то, обращаясь к такой науке, мы серьезно рискуем получить результат меньше заданного, даже если вообще сможем получить хоть какой-то результат.

Почему так?

Потому, что наука психология изучает *то, чего нет и никогда не может быть в природе*.

Мы уже называли предмет изучения психологии выше, и можем озвучить его еще раз: наука психология изучает психику, сознание и личность человека (и животных тоже, кстати, но нам это пока не к месту никаким боком). Итак, мы уже дважды прочитали то, что изучает наука психология. Но даже если бы мы читали это бесконечно, то мы бы всё равно не спасли предмет изучения психологии от его полного небытия в природе.

Потому что в природе не существует никакой психики *человека вообще*, в ней не бывает никакого сознания *человека вообще*, и в ней не может быть никакой личности *человека вообще*, как нет, и не может быть в природе никакого *человека вообще*.

В природе есть только всякий раз конкретный человек и существуют только конкретные, только отдельные, только неповторимые и только индивидуальные психики, сознания и личности отдельных людей, каждая из которых должна стать предметом *отдельного изучения психологии, если психология хочет изучать именно то, что действительно существует в природе, как объект реальности.*

Психология этого хочет, но она этого физически не может. Это может каждый отдельный психолог, но вся наука, как универсальная система исследования, этого не может, и поэтому вместо реального объекта (вместо каждой отдельной психики) психология исследует и изучает какие-то общие законы и какие-то общие универсальности какого-то психического мира. Но эти универсальности не применимы от начала и до конца буквально ни к одной из психических реальностей мира, потому что в природе нет, и не может быть никакого психического мира. В природе могут быть только психические миры каждого отдельного человека, а универсального психического мира природа в своём составе не знает, и даже не подозревает о таком.

И поэтому все универсальности «психического мира» из науки психологии являются лишь научными абстракциями, не представленными ничем конкретным в реальном бытии.

И как бы это ни трактовалось, и как бы это трогательно не объяснялось, но ничто не должно затуманивать для нас того факта, что *предмет изучения психологии – это абстрактность, и, соответственно своему предмету, вся наука психология изучает разные абстрактности, которых в реальности не бывает, и быть не может.*

Из-за этого обстоятельства в науке психологии сложился исследовательский метод, который содержит в себе опасности, плохо осознанные её теоретиками.

Метод вообще всегда очень важен при рассмотрении возможных результатов какого-либо предприятия. Зачастую достаточно заглянуть в метод, и сразу же не нужен даже результат, чтобы убедиться в его будущей бесплодности. Например, если какой-то человек объявит, что собирается на коне доскакать до Луны, то, как бы ни блистали его доводы убедительностью, а именно что-то из его метода заставит вас насторожиться, не так ли?

То же самое происходит, если мы внимательно посмотрим на этот метод психологии – исследовать через абстрактное то, что бывает только индивидуальным.

Что мы увидим в зерне самого этого метода? Мы увидим, что вся эта наука, как бы она этому ни противилась, но никуда не денется, а будет вынуждена *отрицать единственную психическую реальность окружающего мира* – она будет отрицать индивидуальность единичного человека.

Она не будет ставить это отрицание своей целью, она не будет выводить его в качестве какой-либо задачи, но у неё это обязательно получится, потому что перед любой наукой встает вопрос о наполнении содержанием, и – что должна делать с этим вопросом наука психология, если, вместо сведений о конкретном, она должна наполняться сведениями об абстрактном?

Здесь у психологии возникает принципиальная дилемма – или признать все свои абстрактные сведения чем-то второстепенным и малозначимым в сравнении с конкретными реальностями мира, или... поступить наоборот. Естественно, что она поступит наоборот – не объявит же она всему миру, и даже не скажет себе самой, что она занимается изучением несуществующих вещей! И поэтому, чтобы серьезно относиться к самой себе и требовать этого же от других, наука психология должна в своём подходе подспудно противоречить первостепенности психики конкретного человека перед приоритетами искусственно созданных научных абстракций. То есть она должна заранее, в неосознанной моторике своих действий, полагать, что *конкретно существующие в реальном мире объекты менее значимы, чем их абстрактные отголоски в науке.*

Отсюда получается, что в процессе наполнения своего научного содержания несуществующими абстракциями («некоторая психика вообще», «некоторое сознание

вообще», «психика *некоторого* человека», «сознание *некоторого* человека»), наука психология должна наделять реальный единичный индивидуум человека второстепенным значением. Ей некуда от этого деваться, потому что ничто из её абстрактного содержания никогда не сможет ни заменить этот единичный индивидуум, ни выступить его равноценным представителем. Любые самые изысканные научные абстракции из психологии будут всегда слишком анемичными конкурентами для любой самой примитивной личности конкретного человека по критерию реальности.

Поэтому психологии приходится исходно закладывать в методологию приращения своего знания второстепенность конкретной психической реальности конкретного человека, ибо в противном случае второстепенным станет само содержание этой науки.

Таким образом, весь метод исследования психологии превращается в прием замещения конкретных психических реальностей отвлеченными теоретическими выкладкам обобщенного свойства.

Прием «замещение» (его еще хитро называют «идеализацией») имеет право на жизнь в науке и приносит много пользы. Но он имеет это право, и приносит эту пользу только в том случае, когда наука пытается абстрактно теоретизировать о *реальном объекте познания*. Это происходит в целях экономии лабораторных затрат, или же, по причине невозможности прямых экспериментов с этим объектом. Например, совершенно нет никакой необходимости каждый раз лабораторно добывать молекулу азота, если можно теоретически прогнозировать любой её результат абстрактной идеализацией в собственной голове или формулой на бумаге. Или, например, невозможно проводить эксперименты с планетой Меркурий, потому что Меркурий нас не поймет, а мы ничего не придумаем для того, чтобы он стал понятливее. И здесь тоже придется прибегнуть к идеализации какого-либо мысленного эксперимента.

Это всё очень достойные научные приемы, потому что здесь наука *предварительно* впускает в себя какой-то реальный объект познания, а далее замещает этот объект теоретической моделью, описывающей именно его. Так появляются абстракции, но это есть абстракции о реальном объекте познания, каждая из которых далее универсально обслуживает любые естественнонаучные теории. Например, молекула водорода, представленная абстрактно, будет всегда и везде замещать любую реальную молекулу, сохраняя в своей абстракции всю правильность, которой обладает для научной теории любая реальная молекула.

Но то замещение, которым занимается наука психология, является весьма сомнительным приемом, потому что здесь замещение происходит *вместо реального объекта познания*. В психической реальности мира нет ни одного психического объекта, который имел бы соответствующую именно себе абстракцию, способную универсально работать в теоретических моделях психологии. Потому что любой психический объект, это какой-нибудь господин (госпожа) N., абстракция о котором (которой) может относиться только к нему (к ней) и не может иметь никакого универсального значения и никакого универсального применения для других реальных психических объектов. Для каждого господина N. (а для госпожи N., в особенности) нужна своя наука психология, в которой абстрактные модели этой личности могут применяться, хоть до упаду, но которая (наука), будет правильной только для этой личности.

Если же создавать науку *психологию вообще о человеческой психике вообще* (как это происходит), то реальный объект познания в эту науку не будет попадать *вообще*, поскольку будет *предварительно* заменяться на какую-то абстрактную универсальность. Поэтому любой раздел «науки психологии вообще» сразу же оперирует абстрактными личностями и абстрактными психиками. То есть, эта наука с самого начала строится ни на чем, и естественно предполагать, что ни о чем будет всё, что случиться с нею далее.

Поэтому ни в одной другой науке, оставившей заявку на исследование реальности, нет такого пёстрого набора пустых и ничего не говорящих положений, сколько есть в психологии. Это: коллективная ментальность, сверхЯ, архетип, коллективные

представления, подсознание, групповое сознание, коллективное сознание, бессознательное, метапсихология (высшая теоретическая абстракция для подхода к высшей теоретической абстракции – к переживаниям за гранью сознательного!), Оно (это о себе!, прости, Господи), бессознательные воспоминания (!!!), первичная орда (родоплеменная память людей об убийстве и съедении собственного отца, из которой формируются все нынешние этические ограничения в обществе!!!!), предсознательное, надсознательное, психология групп, Анима (женский образ в мужчине) и Анимус (мужской образ в женщине), центральное Эго, либидинозное Эго, антилибидинозное Эго, психовитализм (сверхиндивидуальный принцип целесообразного поведения), надындивидуальное сознание, психика социальных групп, групповое чувство, сознание социальной группы и т.д. и т.п. Все эти неотчетливые выкрики из психологии относятся либо к «надындивидуальному» (то есть к чему-то, не способному никогда существовать реально), либо к каким-то групповым явлениям (то есть, способным существовать все равно только в суждениях единиц), либо к каким-то сущностям внутри психики (то есть, к объектам собственного наваждения, а не реального мира), либо к темным фантазиям и гипотезам, которые, как всегда, окажутся более знамениты упущениями, чем достижениями.

Но, ведь других результатов и быть не могло, поскольку психология с самого начала оперирует или сверхиндивидуальным, или абстрактным, но никогда не оперирует ничем реальным – поскольку реально только индивидуальное, а именно эта реальность в систему её описания не попадает. Этих реальностей вон сколько, а психология одна. Пусть станут в очередь. А пока... А пока в психологии не нашлось своих Ньютонов и своих Галилеев, способных создать метод исследования, соответствующий объекту исследования.

Однако самое интересное во всём этом то, что в психологии происходит теоретическое замещение не какого-нибудь, в принципе невидимого, протона, или, какого-нибудь, вещественно неуловимого, заряда – в психологии замещается то, что дано простому *повседневному опыту* очень непосредственно и очень конкретно: замещается личность отдельного человека.

Это делается на том основании, что у единичной индивидуальности (у *единственной психической реальности мира!*) якобы есть некое служебное назначение поставщика первичной информации, которая затем теоретически обобщается, и на этом возникает научное знание.

Но это заблуждение.

Потому что ничто уникальное не подлежит обобщению, как единственное и неповторимое. Разве подлежит какому-либо обобщению Меркурий? Или Марс? Или Земля? Или Луна? Разве можно создать науку «о планете вообще», и, вооружившись универсалиями этой науки, предпринять намерение дать *из её универсального содержания* точное описание и верное предсказание для любой из звезд Вселенной? Если найдется голова, способная питать в себе подобное предприятие, то... именно такие головы создают науку психологию.

И, точно так же, как универсалиями науки «о планете вообще» невозможно было бы описать ни одну из планет, если не обратиться к ней непосредственно, точно так же и универсалиями науки психологии невозможно воспользоваться в отношении конкретного человека, потому что каждый человек уникален и неповторим, как каждая из планет Вселенной.

Это хорошо подтверждается той точкой излома, которая всегда возникает при вылазках психологии в экспериментальную фазу. Здесь сразу же появляются трещины, в которых исчезают не только теоретически предзагаданные идеи, но и даже практически добытые результаты.

И в этом виноваты еще одни пороки научного метода психологии, которые не устранимы никакими рационализаторскими находками. Рассмотрим эти пороки подробнее.

Итак, любая психическая реальность мира – это всегда только какая-то конкретная человеческая психика, всегда какая-то личность. Но ни одна конкретная психика и ни одна конкретная личность никогда не бывают вот так вот просто конкретными без какой-то конкретной ситуации, через которую они себя проявляют. И поэтому для изучения какой-то конкретной психики (если кто-то надумает этим заняться) всегда придется рассмотреть ту ситуацию, в которой эта психика конкретно действует. *Не потому даже, что ситуация может рассказать исследователю что-то о психике, а потому, что ни один исследователь никогда не сможет вне какой-либо ситуации психику вообще заметить.*

Психики без ситуации, предъявляющей её исследователю в качестве объекта изучения, просто не видно. Без ситуации, в которой психика действует, она скрыта от глаз исследователя: мы знаем только, что она есть (должна быть, потому что её не может не быть), но *изучать* её мы не можем – она нам не показывается, потому что она сейчас не работает.

Психика это не компьютер, который можно изучать и выключенным, и включенным – и в обоих этих состояниях будет, что изучать. Дух человека, если брать его для исследования, не может браться выключенным и не проявляющим своей деятельности в какой-то конкретной ситуации.

Это, конечно, проблема, но еще большая проблема состоит в том, что для изучения абстрактной психики и абстрактного сознания, психология должна создать какую-то абстрактную ситуацию, в которой эти универсальности могли бы себя проявить. Психология должна иметь данную абстрактную ситуацию для того, чтобы через нее хотя бы заметить то, что она изучает.

Таким образом, даже если с натяжкой предположить некую универсальность какой-то психики «вообще», то надо хотя бы с такой же натяжкой, предположить для неё и соответствующую универсальную ситуацию, в которой она бы себя проявляла и изучалась.

Существует ли что-либо подобное в психологии? Нет, не существует. И не может существовать. Хорошо это, или плохо? Это не только плохо, но и хорошо, поскольку это окончательно плохо для самой науки, но очень хорошо для её исследователей, поскольку свидетельствует об их склонности к здравому смыслу.

Зато в психологии существует некоторое количество «сходных ситуаций», в которых теоретически исследуется поведенческая модель человека того или иного душевного склада.

Хорошо это, или плохо? Плохо, потому что, тем самым, вся обширная психическая практика реальной жизни реального человека сводится к узкому кругу абстрактных и стандартно сходных ситуаций. Например, психология может обогатить цивилизацию следующим открытием: если человек победит, то он будет радоваться, а если проиграет, то будет огорчен. Сильно подмечено. Но немного абстрактно. Однако дальше абстрактного стандарта вот этой сходной ситуации психология идти не может – варианты конкретной жизни бесчисленны, а универсального закона для всех для них сразу вывести не получается. И никогда не получится. А подобное бессилие в отношении реальной действительности не красит никакую исследовательскую науку.

Но помимо того, что стандартные условия сходных ситуаций нельзя выдавать за вечные условия человеческой жизни, следует сказать еще одно: *абстрактно сходные ситуации, как экспериментальная зона исследования, могут создавать только науку, абстрактно сходную с действительностью.* А это совсем не красит не только исследовательскую, но и любую другую науку.

Но это привычный недуг для психологии, несмотря на то, что он из теоретической её области переносится и в практическую, не так ли?

И, как следствие этого недуга (если говорить об экспериментальном подтверждении теоретических выкладок психологии), реальный человек может в 10-ти сходных ситуациях поступить десятью совершенно разными способами, несмотря на то, что наука психология теоретически вывела для него какой-то доминантный вариант. Это вовсе не исключено. Не исключено и то, что этот человек в 9-ти из 10-ти сходных ситуаций сделает всё так, как предполагает наука психология, но в следующий (такой же!) раз, вдруг, сотворит что-то, прямо противоположное и это ему понравится. И он впредь будет поступать только так. И психология с этим ничего не сделает. Потому что она лишь абстрактно сходна с действительностью. Она может только гадать.

Из-за этого в психологии невозможна исследовательская статистика, способная выявлять твердые закономерности, как это бывает в естественных науках. А без закономерной статистики в психологии не может происходить главного, что происходит в исследовательских науках – не может происходить последовательного устранения разницы между теорией и наблюдением. Ведь, только тогда, когда теория, или полностью объясняет наблюдение, или точно его предсказывает, можно говорить о том, что перед нами зрелая и правильная исследовательская наука.

А что в этом плане может дать психология, у которой никакое наблюдение не может быть гарантировано дважды? Она ничего не может сделать для сближения теории с наблюдением, потому что эксперимент в психологии есть не подтверждение и даже не проверка теории, а фиксация *самостоятельно протекающего* события, подлежащего новому исследованию. Человек непредсказуем.

Эксперимент в психологии – это всегда какое-то новое, но уже неповторимое впредь событие, *совпадающее с какой-то теорией, или не совпадающее с ней*. И поэтому теоретическая часть психологии повисает ни на чем, оборачиваясь на практике нетвердыми и необязательными высказываниями о возможном повороте событий какого-либо исследуемого дела. Здесь трудно выжать аплодисменты, объявив себя исследовательской наукой.

А у нас цели исследовательские! Следовательно, нам дальше придется больше рассчитывать на себя, чем на эту науку.

Кстати, все успехи действующих психологов – это тоже всегда их личный, уникальный и неповторимый дар, основанный на высоком искусстве собственной интуиции и на личном таланте. Но это никогда не результат точного следования какому-либо нормальному алгоритму из свода психологии.

Практические психологи, похоже, на эту науку тоже не очень рассчитывают. У них у каждого своя наука.

В общем, если мы привели достаточно аргументов против психологии, то нам следует найти другой метод для исследования психики. А если мы привели недостаточное количество аргументов против психологии, то за отсутствием, хотя бы одного в её пользу, мы всё равно поищем что-либо другое.